

Сергей Макке

*Стихи*¹

Сергей Макке (литературный псевдоним Сергея Балабонова, выбран в память родовой фамилии) — физик-теоретик по образованию, кандидат физико-математических наук. Работал в Институте Ядерной Физики АН СССР, руководитель IT компании, создавшей одну из первых серий мультимедийных программ и дисков для выставок Государственного Эрмитажа и продолжающей постоянно работать с музеями и театрами Санкт-Петербурга.

Губернатор

*Рецензия на спектакль Андрея Мозучего (БДТ)
по рассказу Леонида Андреева «Губернатор»*

«Вы очень скоро будете убиты,
Смерть надвигается на вашу тень».
И ослепляют бледные софиты.
Считает губернатор каждый день.

Разогнан митинг. Сорок семь убитых.
Платочек белый дал команду «Пли!».
«Мы с вами никогда не станем квиты,
Кровь на руках — не отблеск от зари».

И смотрят мертвые в глаза устало,
А раненые — те отводят взгляд.
Единственного залпа было мало
Чтоб разогнать всех женщин и ребят.

¹ Приведен журнальный вариант данной подборки.

Сто лет назад ответ был прост и ясен:
 Зло сотворил — твой недалек исход...
 Любой для губернатора опасен.
 Безмолвствует пока еще народ.

Вокруг него сужается пространство
 И чернота на сцене перед ним.
 Судьба, его и русского дворянства,
 Предрешена платочком кружевным.

Разговор с Пушкиным

Театр теней исчезнувшей столицы —
 Проекция реальности живой.
 Глаза опущены, размыты лица
 Живущих ныне в граде над Невой.

Остатки прошлого — лишь здания, картины...
 Всех жителей давно увез Харон.
 Но в мутных очертаниях старинных
 Мы ловим отражения времен.

На площади Дворцовой пред музеем
 Я встречу Пушкина, остановлю, скажу:
 «Ах, Александр Сергеевич, не смею...
 Позвольте Вас немного провожу»...

«Конечно, да, пойдёмте, ради Бога!
 Как в двадцать первом обстоят дела?
 На берегах Невы поэтов много?
 Что Конституция? К свободе привела?

Ну, а крестьян — давно освободили?
 Мои друзья в глуби сибирских руд
 Не зря молодые годы погубили,
 Знать, даром не пропал их скорбный труд?»

Сцены из спектакля «Губернатор», постановка А. Могучего (БДТ)

К стихотворению «Октябрь 1917»

Я промолчу. Он спросит удивленно:
«Неужто двести лет — и ничего?
От думы лишь дурацкие законы,
И всюду — беспредел и воровство?

И на Кавказе буйствуют черкесы —
Не покорили, значит, дикий край?..
Простите, друг мой, мучают вас бесы...
Мне ж — на дуэль», — промолвит невзначай

«Постойте, Пушкин! Я готов ответить,
Нам на Конюшенной накроют стол,
Зачем дуэль? Обиды в высшем свете
Решать не должен заряженный ствол.

Останьтесь! Нам вас очень не хватает.
Для Музы больше места в мире нет.
Свеча свободы быстро догорает,
Поэт в России меньше, чем поэт»...

Он помолчал, потом сказал: «Сережа,
Мне суждено к барьеру завтра встать».
«Я заменить готов вас!» — «Честь дороже,
Чем жизнь. У Черной речки будут ждать...

Я жил всегда, как свойственно поэту:
Меня любили, сам бывал влюблен.
Переживут, я твердо верю в это,
Мои стихи — сумятицу времен.

Давайте лучше завтра выпьем грога,
Расскажете, как в будущем живут..
Мне во дворец пора, Наталья строго
Велела быть, меня там очень ждут».

Поэт ушел, он слился с ночью белой,
Мелькнула тень — и некого спасать...
Прощайте, Пушкин! Жаль, но — что поделать,
Историю нельзя переписать.

Октябрь 1917

Тужурка, кепка, бант, полоска
Играет красным кумачом.
Лицо сошло с картины Босха,
Слепая ненависть на нем.

Почтамт, мосты, Адмиралтейство.
Шинель, винтовка, патронташ...
Мандат — прикрытие злодейства,
А обыски — лишь форма краж.

Октябрь, Нева, холодный ветер.
Бушлат, тельняшка, пулемет...
Сопровращения не встретил
Зашедший в Зимний красный взвод.

Прожектор рыскает по зданию,
Стреляет пушка наугад.
Тот штурм — последнее задание.
Стрельба умолкла. Зимний взят.

Медсестры, койки, санитары —
То госпиталь среди колонн...
И, обернувшийся кошмаром,
Палатам царским снится сон,

Что в залах старого музея,
Среди полотен мастеров,
Войны гражданской кровь алеет
Меж тел убитых юнкеров.

**Король шахмат
или
про одного тирана**

Как в шахматы, разыгрывал людей
Я в партиях, что назначали Боги.
Мат объявлял спокойно, без затей
Наивной человеческой природе.

Уничтожал наследие эпох,
Ни в грош не ставил лучшие картины.
Музеи грабил — был бы шерсти клочок
От распродаж шедевров тех старинных.

Меня толпы пешек на ладью,
Уничтожая лучших офицеров,
Разыгрывал я партию свою
И не искал в истории примеров.

Я создавал империю рабов.
Мои ходы губили миллионы,
И отбирали хлеб, и кров, и кровь
Игры «гуманной» жесткие законы.

А пешки подчинялись, как могли,
Передвигаясь с клетки и на клетку,
Когда я на одной шестой земли
Им создал нищий «рай» среди объедков.

